

SUMMARY

Diachok N. V. The Types of Quasiuniverbation Mechanisms in Russian.

Object of the paper is to define a notion of quasiuniverbation and to describe the peculiarities of quasiuniverbation mechanism in Russian. Object under analysis is quasiuniverbalizing processes in the context of their diversity. Subject under analysis is a variety of quasiuniverbs which modification model differs from more frequency models. In our investigation we proposed the theory of several ways of quasiuniverbation in definite lingual context. The paper applies descriptive method and structural one for decision of main tasks. Result of the analysis is signification and description of quasiuniverbation mechanism and description of both models of modification of univerbs as well as determination of processes following the modification. We came to conclusions which show that “word combination – word” parallels of the type under analysis are forms of abstract lexical unit called nominatheme characterizing by a number of formal peculiarities and semantic ones typical for the lexical structures only. Application of the analysis results can be implemented in a dictionary of Russian univerbs making.

Key words: derivation, motivation, nominatheme, word, word combination, univerb, univerbalization, quasiuniverb, quasiuniverbation.

*Е. С. Карпина
(г. Бахмут)*

УДК 821.161.1

АВТОРСКИЕ ОТСТУПЛЕНИЯ ПЕНТАЛОГИИ В. С. СОЛОВЬЁВА «ХРОНИКА ЧЕТЫРЁХ ПОКОЛЕНИЙ» КАК ФОРМА ВЫРАЖЕНИЯ ИСТОРИОСОФСКОЙ КОНЦЕПЦИИ БЕЛЛЕТРИСТА

Одной из форм выражения историософской концепции Всеволода Соловьёва, воплощенной в его пятитомной «Хронике четырёх поколений», являются авторские (лирические) отступления историософского характера. Этим термином в современном литературоведении обозначаются «более или

менее развернутые авторские высказывания философского, лирического, автобиографического и т. п. характера» [3, с. 99]. «Автор-повествователь отвлекается от описания событий, чтобы прокомментировать их» [11, с. 116]. Это даёт ему возможность поделиться с читателем своими сокровенными мыслями и чувствами.

Под автором мы, вслед за Н. М. Щедриной, понимаем «носителя определенной концепции, некоего взгляда на действительность, выражением которого является все произведение» [12, с. 154]. Отступления являются необязательным элементом композиции художественного произведения, но если они всё же в нём присутствуют, то «играют, как правило, важнейшую роль и подлежат обязательному анализу» [3, с. 99].

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы рассмотреть наличествующие в тексте пенталогии авторские отступления, представляющие собой попытку художественного осмысления основных проблем, на решение которых направлен историософский дискурс.

Авторские отступления первых двух частей «Хроники четырёх поколений» наполнены глубоким историософским содержанием, что предопределено их субжанровой моделью.

Так, XXI глава второй части «Вольтерьянца» открывается пространным историософским размышлением писателя: *«Каждому дню свои злобы, – но проходит день и вместе с ним проходит и злоба его. То, что казалось важным, что представлялось полным значения и интереса, то внезапно забывается и исчезает, заменяясь чем-нибудь новым, что кажется несравненно важнее и значительнее, и что, в свою очередь, исчезает с последними лучами своего дня, чтобы уступить место опять иной злобе, иному, восставшему в своем временном блеске, событию.*

Таков закон природы. Таково свойство природы человеческой, склонной нестись постоянно вперед и легкомысленно забывать прошлое. Но есть и другие законы, по которым это прошлое укладывается мало-помалу, по мере своего совершения, оставляет следы свои в обрывках человеческой памяти, в

предметах вещественных, в записанных документах, – и следы эти сохраняются иногда случайно, иногда сберегаемые чьей-нибудь благоразумной рукою.

Время идет и творит свою вечную, неустанную работу. Проходит много времени. Иногда человек, не способный удовлетвориться злобою дня, утомленный этою злобой, любит отойти от себя и заглянуть в *далекое прошлое*, в *чужое прошлое*, которое тем не менее *получает* для него *значение*. Ведь *это прошлое – общечеловеческое и не может не заинтересовать всякого живого человека*.

И вот далекая, чужая злоба дня, записанная или сохранившаяся в чьей-либо памяти, как старое сказание, является совсем в ином виде, в ином освещении. Она теряет то значение, в каком представлялась современникам, занимает подобающее ей место, и человек, всматривающийся в даль прошедшего, легко понимает ее истинный смысл, ее действительную важность. Часто приходится ему изумляться, когда он встречается с доказательствами непонимания, с каким современники относились к тому или другому занимавшему их явлению. Он видит, что *иногда явление, само по себе незначительное, производило впечатление несравненно сильнейшее и продолжительнейшее, чем явление действительно крупное, имевшее большие последствия*. Иногда изумляется он людской забывчивости: *прошумело какое-нибудь событие, у целого общества было на устах чье-нибудь имя, все были заняты чьей-нибудь судьбою и вдруг – обрываются нити, и человек, разбирающийся в прошлом, не может доискаться конца истории*. Все забылось, нахлынули новые волны иных событий, затерялась судьба человека, имя которого смущало столько сердец, вызывало такие горячие порицания или такие восторги. Никому вдруг не стало дела до этого человека!..

А между тем, ведь *всякое событие, всякая судьба души человеческой должны быть исследованы до конца, для того чтобы их можно было ясно и верно понять, для того чтобы они получили свое настоящее место в истории человечества*.

И особенно тяжело становится, когда среди тумана прошедшего вдруг

выступит светлый и чистый образ, который по каким-либо обстоятельствам вызвал мгновенно всеобщее сочувствие и вдруг, блеснув прекрасным светом, померк и забылся. Таких чистых, светлых образов вырастает немного – и в интересах развития души человеческой следует сохранять о них воспоминание и бережно передавать их следующим поколениям. Пусть эти **чистые образы**, озаренные случайной злобой дня, **не имели никакого влияния на судьбу государств и народов**, но они, во всяком случае, представляют собою пример и урок, нужный для последующих поколений» (курсив мой – Е. К.) [7, Т. 4, с. 370-372].

Как следует из вышеприведённого отступления, личность, даже не сыгравшая видной роли в истории, гораздо значимее для романиста, чем сражающийся за свои права народ. Такое соотношение личности и народа в творческом сознании Соловьёва обусловлено его историософскими взглядами. Очевидна здесь и концептуальная переключка с широко известным высказыванием М. Ю. Лермонтова: «История души человеческой, хотя бы самой мелкой души, едва ли не любопытнее и не полезнее истории целого народа» [4, Т. 2, с. 498]. Из него можно заключить, что автор «Героя нашего времени» так же, как и Вс. С. Соловьёв, отводил главенствующую роль в истории личности.

Посыл автора, проходящий красной нитью через всё отступление, которое предшествует повествованию о личной трагедии великой княжны Александры Павловны, очевиден: несмотря на то, что всё в жизни временно, он всё же призывает читателей помнить прошлое, таящее в себе бесценные уроки для всего человечества, и передавать память о нём потомкам. Это и есть то самое «уважение к минувшему», о котором говорил А. С. Пушкин.

Во втором романе цикла Вс. Соловьёв подробно описывает последние минуты жизни Екатерины II. В главе, имеющей философское название «Смерть и жизнь», он размышляет о том, что её кончина является, на первый взгляд, вполне естественным и неизбежным завершением человеческого пути. В то же время значение деяний императрицы для России настолько велико, что,

несмотря на свой уход из жизни после «долгих лет знаменательного царствования» [7, Т. 4, с. 310], она увековечила себя в памяти потомков и продлила своё существование в веках: «Все совершилось по вечным и неизменным законам природы. С одной стороны, произошел обычный физиологический процесс, который легко было подвергнуть точному анализу – одна форма материи переходила в другую. Но рядом с этим видимым процессом произошел другой, невидимый, таинственный, отвергаемый слабым рассудком, находящим жалкое удовлетворение в сознании человеческого ничтожества, признаваемый рассудком, умеющим всесторонне наблюдать связь и развитие жизненных явлений, но, во всяком случае, неспособный стать предметом анализа, предметом человеческого знания... *Екатерины не стало...* Но разве могло это могучее, феноменальное существо исчезнуть, уничтожиться, превратиться в прах? Уничтожилось тело, но это тело было совсем не то, что означало собою понятие: *Екатерина...*» (курсив мой – Е. К.) [7, Т. 4, с. 307].

Следствием историософских раздумий писателя о смерти всякого земного существа является его твёрдое убеждение в бессмертии поистине великого человека, на что указывают риторический вопрос, присутствующий в конце отступления, и его заключительное предложение.

Царское происхождение само по себе не может служить залогом бессмертия. Человечество веками хранит память лишь о тех личностях, которым суждено было сыграть значительную роль в истории того или иного государства. Именно такие личности, по мысли Соловьёва, бессмертны. Удел иных – забвение, тождественное смерти.

Так, например, Александра Павловна, как явствует из рассмотренного в начале подраздела отступления, не имела ни малейшего влияния на положение дел в империи, а потому навсегда осталась в тени своих выдающихся родственников – Екатерины II и Павла I, изменивших ход российской истории и вписавших в неё золотыми буквами свои имена. После завершения своего земного пути великая княжна продолжала жить в воспоминаниях лишь тех

немногих людей, которым она была дорога. С течением же времени, которое унесло и их жизни, последняя память о ней была уничтожена.

В контексте рассмотрения соловьёвской концепции бессмертия, занимающей особое место в системе историософских взглядов писателя, нельзя не вспомнить строки IX песни «Рая» «Божественной комедии» Данте, к которым, как нам кажется, вполне можно свести её суть:

«Тех, чьи дела величием пресловуты,

Вторая жизнь вослед за первой ждет»

(курсив мой – Е. К.) [2, с. 351].

За достаточно компактным по объёму, но в то же время пространным по охвату историософских проблем, авторским отступлением следует краткое описание жизненного пути Екатерины Великой, фактически представляющее собой хвалебную оду славным деяниям российской самодержицы – Романовой не по крови, но по духу, сумевшей продолжить великое дело «державного плотника».

В XXII главу второй части второго тома «Хроники...» романистом включено историософское размышление о судьбе в духе древнеримских философов-фаталистов – Луция Аннея Сенеки, Марка Аврелия, Эпиктета и др.: «Злая судьба смеется над человеком, шутит с ним злые шутки, заставляет сердце человеческое исходить кровью, тогда как то, что могло бы дать ему успокоение, дать ему возможное на земле счастье, было от него так близко, так достижимо. Но замешалась судьба, шутила свою шутку, и то, что было близко и достижимо, отдалилось за тридевять земель в тридесятое царство, куда нет доступа, куда не проведет никакой добрый волшебник...

Но кто знает, быть может, людям только кажется, что судьба зла и насмешлива, быть может, люди клеветают на судьбу, не понимая **высших** законов, **высшей** справедливости, **высших** целей, по которым, может быть, и нужно, чтобы сердце человеческое исходило кровью, нужно для того же самого сердца...» (курсив мой – Е. К.) [7, Т. 4, с. 381].

В главе, содержащей представленное выше отступление, речь идёт о

последних приготовлениях Сергея Горбатова и Татьяны Пересветовой к долгожданной свадьбе. За счёт органичного вплетения в ткань повествования авторского размышления о судьбе предмет изображения существенно расширяется.

В сущности, идеи Соловьёва, касающиеся одной из базовых категорий историософии, могут быть сведены к трём следующим тезисам. Человек, не властный над своей жизнью, вынужден покориться судьбе и терпеливо следовать по предначертанному ему свыше пути. Величайший трагизм тотального господства предопределения в жизни человека заключается в том, что оно становится наиболее очевидным именно в те моменты, когда он в полной мере ощущает себя единственным хозяином своей судьбы, способным управлять ей, как ему захочется. В действительности же в кажущихся насмешках богини Тюхе человеку надлежит усматривать истинное благо, ведь если бы не они, он никогда не оценил бы по достоинству то, что имеет.

Концептуально приближаясь к основным положениям философского учения представителей Поздней Стои (I-II вв. н. э.) Соловьёв умело проецирует их на художественный мир своего произведения, подчёркивая особую роль высшей силы в жизни главных его персонажей. Общий контекст первых двух частей пенталогии делает основную мысль данного отступления более чем прозрачной: безжалостная, на первый взгляд, судьба разлучила Сергея и Татьяну на несколько лет единственно для того, чтобы два любящих сердца поняли, как сильно они дорожат друг другом, и соединились навеки в назначенный свыше день.

К сказанному выше добавим, что философские рассуждения о судьбе достаточно часто вводили в свои произведения авторы т. н. «греческих» («софистических») романов (II-VI вв. н. э.), на что указывает в своём фундаментальном труде о хронотопе М. М. Бахтин. Данная проблема успешно разрабатывалась также и в риторических жанрах античной литературы [1, с. 238-239].

Примечательно, что, обращаясь к её осмыслению, писатель XIX века не

только отдаёт дань сложившейся в литературе традиции, но и пытается внести свою лепту в толкование вопроса, веками волновавшего человечество, и рассмотреть его под иным углом зрения. Под маской Фатума, по убеждению Соловьёва, нередко скрывается Фортуна, коварные игры которой лишают человека всего самого дорогого в жизни и вынуждают его отчаиваться и падать духом. Лишь кардинальная переоценка ценностей даёт ему возможность выйти из этих игр победителем и возблагодарить судьбу за ниспосланные ему испытания.

Необходимо подчеркнуть, что фатальное мирозерцание пронизывает и более ранние произведения писателя. Так, в историческом романе «Юный император» о существовании трагического предопределения в жизни Петра II говорится следующее: «Смутное переходное время русского общества, вызванного к новой жизни гением Петра Великого, создало целый ряд страшных драм. Перед нами проходят вереницы виновных и невинных жертв общественного разлада, и невольно сжимается сердце, вспоминая судьбу иных чистых и светлых людей, безвременно погибших. Среди этих образов стоит и юный император. Природа богато одарила его; в *другое время, в других обстоятельствах, при другом воспитании* из него, может быть, вышел бы достойный преемник великого деда. Но *судьба решила иначе, и он должен был погибнуть*» (курсив мой – Е. К.) [10, Т. 2, с. 270].

Отметим, что в более поздних своих произведениях (диалогия «Волхвы» [6, Т. 8] и «Великий розенкрейцер» [5, Т. 9]) романист продолжает философское осмысление вышеобозначенной проблемы, однако в них на смену Судьбе приходит Божий Промысл, тождественный в своём базовом лексическом значении Провидению, что связано, главным образом, с влиянием на его мировоззрение учения святого Иоанна Кронштадтского и окончательным утверждением Соловьёва на позициях христианства.

В «Хронике...» же мотив Божьего Промысла (Провидения) разработан ещё достаточно слабо. В аресте Сергея Горбатова накануне его поездки в Гатчину к княжне Пересветовой Моська усматривает карающую десницу

Господню, кару небесную, постигшую его молодого барина за разгневавшие Бога шутки. Эпизодические персонажи третьего тома пенталогии – няня Нины Ламзиной, Матрёна Степановна и старик, случайно встретившийся Борису Горбатову в объятой пламенем Москве – считают нашествие неприятеля на второй город империи вполне заслуженным наказанием его жителям, посланным Всевышним за их грехи.

Божьему Промыслу (Провидению) в художественном цикле отводится роль одного из возможных словесных обозначений иррациональной высшей силы, которой подчинён не только исторический процесс, но и человеческая жизнь. Глубоким размышлением писателя о сущности этой таинственной силы, убедиться в существовании которой, как ему представляется, хотя бы раз в жизни имел возможность каждый человек, начинается предпоследняя глава второй части «Изгнанника»: «Никакое воображение не может придумать тех, по-видимому, совсем *невероятных стечений обстоятельств*, какие представляет жизнь, если только внимательно в нее взглядеться. Всего легче назвать эти необыкновенные стечения обстоятельств *случаем* – “случай – и все тут!”. И можно на этом успокоиться.

Но найдется немало людей во всех слоях общества, во всех странах, на всех ступенях умственного развития, которые не признают *случая* и не верят в это *бессмысленное слово*. Одни из таких людей случай заменяют понятием *Божества, Провидения*, другие указывают на психические законы, еще до сих пор очень мало исследованные нами, но все более и более, так сказать, навязывающиеся на исследования, останавливающие на себе внимание непредубежденного наблюдателя жизни.

Без всякого сомнения, большинство человеческих организмов остаются глухи и почти нечувствительны ко всему, что касается области духовной жизни. Но вряд ли найдется такой человек, который бы мог сказать искренне, что ни разу не встретился с чем-нибудь странным, непонятным, необъяснимым.

И с другой стороны, бесспорно, существуют люди, и их гораздо больше, чем может показаться с первого раза, которые способны ощущать и даже

понимать то, чего другие не ощущают и не понимают» (курсив мой – Е. К.) [8, Т. 6, с. 382-383].

Сам же Соловьёв, осмыслявший такую важную историософскую проблему, как случайность и необходимость в истории и жизни отдельного человека, сквозь призму детерминизма и глубоко убеждённый в существовании во Вселенной разумного начала, высшего разума, ей управляющего, безусловно, относился к той категории людей, которые решительно отказывались называть его «случаем». Тем не менее, будучи толерантным по отношению к персональным убеждениям читателей, романист не стремился навязывать им своего мнения, а потому вынес в название главы, в которой решил поделиться с ними своими мыслями касательно необыкновенных стечений обстоятельств, именно этот концепт.

За отступлением следует абзац, тесно связанный с ним в смысловом отношении и служащий к нему дополнением: «К числу таких людей принадлежал и Борис Сергеевич. С ним иной раз, с самого детства, творились *странные вещи*, и он поневоле верил, например, в *предчувствие*» (курсив мой – Е. К.) [8, Т. 6, с. 383].

Итак, по убеждению Вс. С. Соловьёва, одним из возможных проявлений высшей силы, во власти которой пребывает человек, является предчувствие. Именно оно помогло предотвратить непоправимое: предчувствуя близкую беду, Борис Сергеевич поспешно разыскал Николая и воспрепятствовал самоубийству последнего.

Писатели-историософы достаточно часто обращаются в своих произведениях к художественному осмыслению проблемы времени. Категория времени выступает предметом философской рефлексии и в романе Соловьёва «Сергей Горбатов». Наилучший тому пример – авторское отступление, наличествующее в III главе второй его части: «*Бывают в жизни человека периоды, когда незаметно проходят целые годы, не принося с собою никакой внутренней перемены; человек остается все тот же и почти не замечает протекшего времени. Оно, конечно, берет свое, оно медленно, но неизменно приближает к концу, к могиле, аккуратно и не спеша разрисовывает*

56

морщинами молодое лицо, серебрит сединою голову; оставляет следы свои и в мыслях, и в чувствах человека, многое изменяет вокруг него. Но все это делается тихо, неслышно, а потому и не производит сильного впечатления – не изумляет. Пройдет *несколько лет* – и только в случайную минуту, подойдя к зеркалу или вспомнив что-нибудь давно позабытое, человек с изумлением видит, сколько прошло времени...

Но бывают и другие периоды в жизни человека, когда один месяц, один день, наконец – минута значат больше, чем целые тихие годы. В месяц, в неделю человек переживает так много, так все изменяется вокруг него и в нем самом, что и поверить не может он, что прошла одна неделя, один месяц: кажется, целая жизнь прошла!» (курсив мой – Е. К.) [9, Т. 3, с. 222].

Мысль, которую романист пытается донести до читателя в вышеприведённом отрывке, может быть сформулирована следующим образом: модус восприятия времени каждым человеком сугубо индивидуален и зависит главным образом от насыщенности того или иного этапа его жизни событиями.

Очевидно, что в процитированном нами отступлении автором описан феномен постепенно изменяющегося ощущения времени Сергеем Горбатовым. Детство и юность, проведённые им в родной деревне, не богаты сколько-нибудь примечательными событиями, поэтому старший сын Бориса Григорьевича не обращает внимания на неумолимый ход времени и не задумывается о том, как быстро проходит человеческая жизнь. Полгода, прожитые молодым человеком в Петербурге, дарят ему множество ярких и большей частью приятных впечатлений, значительно ускоряющих течение времени. В первые же два месяца пребывания в Париже русский дипломат испытывает массу положительных эмоций и получает неизмеримо больше впечатлений, чем за двадцать два года, вследствие чего время начинает для него лететь незаметно.

Глубокая в своей основе мысль Вс. С. Соловьёва, являющаяся краеугольным камнем данного отступления, в целом созвучна той, которая заключена в достаточно известном афоризме выдающегося колумбийского писателя XX века Г. Г. Маркеса: «Жизнь – это не количество прожитых дней, а

количество дней, которые запомнились».

Подводя итог всему вышесказанному, отметим, что одной из форм выражения историософской концепции романиста, имеющих первостепенное значение для мира идей «Хроники четырёх поколений», являются авторские отступления. В них он размышляет над следующими проблемами: личность как основной двигатель истории; тленность всего сущего; важность уроков истории для человечества и необходимость воспитания уважения к прошлому у потомков; смерть и жизнь; бессмертие выдающихся личностей, оставивших существенный след в мировой истории; случайность и необходимость в истории и судьбе конкретного человека. Вполне естественно, что для Вс. С. Соловьёва – приверженца концепции исторического детерминизма – понятие «случай» оказывается совершенно неприемлемым для обозначения высшего разума, управляющего мирозданием.

Перспективы наших дальнейших исследований связаны с рассмотрением имеющихся в пенталогии авторских отступлений на общефилософские темы, тесно связанных в концептуальном плане с таковыми историософского характера и, таким образом, служащих дополнением к общей картине.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе: очерки по исторической поэтике. *Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет*. Москва: Художественная литература, 1975. С. 234–407.

2. Данте А. Божественная комедия / пер. с итал. М. Лозинского. Москва: Наука, 1967. 627 с.

3. Есин А. Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения: учеб. пособ. для студ. и преп. филол. фак., учителей-словесников. 3-е изд. Москва: Флинта; Наука, 2000. 248 с.

4. Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени. *Лермонтов М. Ю. Сочинения*: в 2 т. Москва: Правда, 1988–1990. Т. 2 / сост. и ком. И. С. Чистовой; ил. В. А. Носкова. 1990. С. 455–589.

5. Соловьёв Вс. Собр. соч.: в 9 т. Москва: ТЕРРА – Книжный клуб, 2009.

Т. 9: Великий Розенкрейцер: исторический роман. 272 с.

6. Соловьев Вс. Собр. соч.: в 9 т. Москва: ТЕРРА – Книжный клуб, 2009.

Т. 8: Волхвы: исторический роман. 384 с.

7. Соловьев Вс. Собр. соч.: в 9 т. Москва: ТЕРРА – Книжный клуб, 2009.

Т. 4: Хроника четырёх поколений: Вольтерьянец: исторический роман. 448 с.

8. Соловьев Вс. Собр. соч.: в 9 т. Москва: ТЕРРА – Книжный клуб, 2009.

Т. 6: Хроника четырёх поколений: Изгнанник: исторический роман. 400 с.

9. Соловьев Вс. Собр. соч.: в 9 т. Москва: ТЕРРА – Книжный клуб, 2009.

Т. 3: Хроника четырёх поколений: Сергей Горбатов: исторический роман. 432 с.

10. Соловьев Вс. Юный император. *Соловьёв Вс. Собр. соч.:* в 9 т. Москва: ТЕРРА – Книжный клуб, 2009. Т. 2: Юный император; Капитан гренадерской роты: исторические романы. С. 7–270.

11. Фесенко Э. Я. Теория литературы: учеб. пособ. для вузов. 3-е изд., доп. и испр. Москва: Академический Проект; Фонд «Мир», 2008. 780 с. (Gaudeamus).

12. Щедрина Н. М. Исторический роман в русской литературе последней трети XX века (Пути развития. Концепция личности. Поэтика): дис. ...д-ра филол. наук: 10.01.01 / Башкир. гос. ун-т. Уфа, 1995. 379 с.

АНОТАЦІЯ

Карпіна О. С. Авторські відступи пенталогії Вс. С. Соловйова «Хроніка чотирьох поколінь» як форма вираження історіософської концепції белетриста.

Стаття присвячена детальному вивченню авторських відступів історіософського характеру, наявних у пенталогії Вс. С. Соловйова «Хроніка чотирьох поколінь». Вони розглядаються автором у якості однієї з форм вираження історіософської концепції романіста, що знайшла органічне втілення у його програмній літературній праці. У них він розмірковує над наступними проблемами: особистість як основний двигун історії; тлінність усього сущого; важливість уроків історії для людства та необхідність виховання поваги до минулого у нащадків; смерть і життя; безсмертя видатних особистостей, які залишили істотний слід у світовій історії; випадковість і необхідність в історії

та долі конкретної людини.

Ключові слова: авторський відступ, історіософська концепція, пенталогія, історична белетристика, історіософський дискурс, сімейна хроніка, історичний роман.

SUMMARY

Karpina E. S. Author's Digressions of Vs. S. Solovyov's Pentalogy "The Chronicle of Four Generations" as the Form of Expression of the Fiction Writer's Historiosophical Conception.

The article is dedicated to the detailed study of the author's digressions of the historiosophical nature included in the pentalogy "The Chronicle of Four Generations" by Vs. S. Solovyov. They are considered by the author as one of the forms of expression of the historiosophical conception of the novelist which was organically embodied in his program literary work. He reflects in them on the following problems: personality as the main mover of history; perishability of all things; importance of the history lessons for humanity and need to cultivate respect for the past among posterity; death and life; immortality of the prominent personalities who left a significant mark on the world history; randomness and necessity in the history and the fate of a particular person.

Key words: author's digression, historiosophical conception, pentalogy, historical fiction, historiosophical discourse, family chronicle, historical novel.

*C. A. Комаров
(г. Бахмут)*

УДК 821.161.1-3

ИНТЕРТЕКСТ РУССКОЙ ПОЭЗИИ В КНИГЕ ОЧЕРКОВ

А. В. АМФИТЕАТРОВА «ГОРЕСТНЫЕ ЗАМЕТЫ»

Творчество А. В. Амфитеатрова, очень известного в начале XX века русского писателя, долгое время находилось на периферии научных поисков, что можно объяснить не только фактом эмиграции автора в конце гражданской